



Валентин Романов

**За снежной
стенюй**

Валентин Романов

За снежной стеной

<https://litres.ru/74623644>

SelfPub; 2026

Аннотация

«За снежной стеной» — пронзительная военная повесть о силе человеческого духа, цене свободы и нерушимой любви, способной выстоять в самом сердце лагерного ада.

Содержание

Часть 1 Глава 1. Встреча	4
Глава 2. Лагерь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Валентин Романов

За снежной стеной

Часть 1 Глава 1. Встреча

4 декабря 1942 г.

Снег, идет снег. Я никогда в жизни так не радовался снегу, я бы хотел, чтоб его было еще больше, чтобы он валил стеной, за которой можно спрятаться от всего страха на свете, чтобы он засыпал весь ужас, творящийся на земле, и покрыл все вокруг сплошной белизной, чистотой, красотой, искренностью. Но он просто шел, хотя и достаточно сильно. В этом году снега больше обычного, даже сквозь щели вагона его задувает слишком много. Но это хорошо: подставишь язык к щели, снег тает и можно немного попить. Так я стоял какое-то время, не замечая ни холода, ни удушливой вони, заполняющей пространство. Рядом со мной мой брат Валерка тоже пытался ловить языком снежинки. Но, когда ветер усиливался, Валерка морщился и чихал, тем самым смешил меня и маму. Наш эшелон стоял уже очень долго, и мы, чтобы не замерзнуть и хоть чуток согреться, тесно прижимались друг к другу. Прошло две недели, как мы находились в этом вагоне, еды практически не осталось, а воды и подавно, так как рассчитывали провести в пути не более трех-пяти дней,

а получилось вон как... На пути в эвакуацию состав перехватили немцы: шум, паника, пальба вокруг, взрывы, что аж уши закладывало. Много погибло в том бою. Валерка с мамой и бабушкой прятались под вагонами, многие бежали в сторону леса, но фашисты стреляли им в спину, а потом ходили и добивали раненых. Дядя Гена, от которого мне досталась губная гармошка (которую потом отобрал один фриц), до последнего закрывал меня своим израненным телом, отстреливался из своего пистолета, пока обессиленным и мертвым не рухнул на землю. Когда Валерку и маму доставали из-под вагона, их тоже хотели расстрелять, но бабушка так сильно заорала, что фашисты опешили от такого крика. Нас затолкали в вагон и повезли в неизвестном направлении. Так мы оказались здесь, на станции Фастов. Ветер усиливался, погода становилась все хуже, одежда на нас совсем прохудилась. Я еще как-то держался, а вот братишка мой совсем дрожал от холода. Вдруг сзади протиснулась какая-то женщина и протянула мне свой платок.

— *Замотай мальчика,* — сказала она мне.

— *Совсем продрог мальчишка-то.*

Я посмотрел на маму с вопросом, и та одобрительно кивнула; тогда, взяв платок у тети Веры (как она потом представилась), я накинул его Валерке на плечи и, скрестив на груди, завязал его сзади.

— *Спасибо,* — пробормотал тот и, не дожидаясь ответа, подошел и обнял новую знакомую. Тетя Вера обняла его в

ответ и заплакала.

5 декабря

Мне хотелось понять, почему сейчас все это происходит с нами, с людьми, с нашей страной. Почему на нас напали? И зачем вообще нужна эта война. Я старался не плакать, но, видя как моя мама ухаживает за бабушкой, слезы заливали мои глаза и меня охватывала злость, от того, что я не мог ничего изменить или не знал, как это сделать. Я стоял, сжав зубы, и, обнимая своего брата Валерку, смотрел на людей в вагоне, на маму с бабушкой, на тетю Веру и все, что я смог — это выдать из себя только какой-то странный рык, похожий на стон. Наконец, тетя Вера заговорила: — *Тсс, люди молятся, послушай.*

Я прислушался... оказывается вагон заполнял странный гул, такой монотонный и страшный. Люди наперебой шептали взхлеб, некоторые слова произносились чуть громче, и я мог различить: «Господи», «Помоги».

— *Повторяй за мной,* — сказала она мне.

— *Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя...* Я бубнил себе под нос эти слова, даже не понимая их смысл, но чувствовал, как меня наполняет сила, я старался говорить отчетливей и громче. Страх покидал мое тело, мои мысли становились тверже, мой разум прояснялся с каждым сказанным мною словом; и, наконец, меня наполнила радость, молитва дала мне путь. Я больше не боялся; я знал, что надо делать,

и что каждому воздастся за дела его. Тетя Вера, посмотрев на меня, улыбнулась:

— *Ты сильный, теперь ты знаешь, что надо делать, заботься о своей семье, не покидай их.* С этими словами она обняла меня и Валерку, сняла со своей шеи шнурок с крестиком, надела его на меня, проделала рукой какие-то движения в виде перекрещивания, поцеловала в лоб и скрылась за стоящими людьми. Какое-то время я стоял, не шелохнувшись. Мои мысли работали, как стахановцы, я перебирал в голове сотни вариантов будущего, которое мелькало у меня перед глазами. Встряхнувшись, я посмотрел на Валерку, тот стоял, как вкопанный, ничего не понимая. «Так оно и лучше», — подумал я и отвернулся ловить снежинки, так как за этой снежной стеной было все, была моя жизнь.

6 декабря

Стук засова прозвучал как выстрел. Двери вагона, замерзшие изнутри, скрежетнули и поползли в сторону. В лицо ударил не просто холод, а колючий, злой ветер, перемешанный с лаем собак и отрывистыми немецкими командами. Снег, который вчера казался мне спасительной стеной, теперь кружился в свете мощных прожекторов, выхватывая из темноты серые фигуры солдат и черные стволы автоматов.

— *Heraus! Schnell!*— кричали они.

Мама вздрогнула и крепче прижала к себе бабушку. Бабушка почти не открывала глаз, её дыхание было едва заметным, как пар от гаснущей свечи. Валерка вцепился в мою

руку так, что пальцы онемели. Я почувствовал, как под фуфайкой холодит кожу крестик, подаренный тетей Верой. Самой её нигде не было видно — толпа в вагоне пришла в движение, люди, спотыкаясь о тюки и друг друга, повалили к выходу. Нас вытолкнули на перрон. Под ногами был уже не тот чистый снег, о котором я мечтал, а серое месиво, перемешанное с углем и грязью.

— *Валерка, не отпускай руку. Что бы ни случилось, не отпускай,* — прошептал я. Голос мой звучал на удивление твердо.

Нас построили в колонны. Офицер в высокой, вытянутой фуражке прохаживался вдоль строя, похлопывая тростью по голенищу сапога. Он выбирал. Молодых и крепких — в одну сторону, стариков и женщин с маленькими детьми — в другую. Я видел, как мамино лицо бледнеет. Она понимала, что это значит. Бабушка едва держалась на ногах, опираясь на маму.

Когда офицер подошел к нам, я выпрямился. Я старался казаться выше и старше. Я вспомнил слова про «силу» и «волю».

— *Тфоя?* — коротко бросил офицер, кивнув на бабушку.

— *Моя мать,* — ответила мама дрожащим голосом. — *Она просто приболела в дороге, она сильная, она будет работать...*

Немец брезгливо поморщился и указал в сторону серого барака, куда сгоняли тех, кто «не годен». Мама вскрикну-

ла, попыталась схватить его за рукав, но солдат оттолкнул её прикладом.

В этот момент что-то во мне перевернулось. Я не чувствовал страха, только ту самую холодную ясность, о которой говорила тетя Вера. Я шагнул вперед, загораживая маму и брата.

— *Мы пойдём вместе,* — сказал я по-русски, глядя фрицу прямо в глаза. Я не знал, поймет ли он, но я стоял так крепко, словно врос в эту мерзлую землю.

Офицер остановился. На мгновение его глаза — пустые и холодные, как льдинки — встретились с моими. Он увидел на моей шее тонкий шнурок, выбившийся из-под воротника. Он усмехнулся, что-то сказал солдату на своем языке и махнул рукой в сторону «рабочей» группы.

Нас не разлучили. Не в этот раз.

Глава 2. Лагерь

7 декабря

Нас пригнали в лагерь за несколько километров от станции. Это было место, пропахшее дымом и безнадеей. Нас заперли в холодном бараке, где вместо кроватей были голые доски. Но мы были живы. И мы были вместе. Ночью, когда Валерка уснул под платком тети Веры, а мама растирала бабушке обмороженные ноги, я сел у щели в стене. Снаружи снова шел снег. Он ложился на колючую проволоку, смягчая её острые шипы, превращая лагерные вышки в призрачные белые башни. Я нащупал в кармане обломок карандаша, который нашел на перроне, и кусочек оберточной бумаги.

Я не знаю, сколько мы здесь пробудем, — подумал я. — Но я знаю, что за этой стеной снега всё еще есть мир. И мы вернемся в него. Я посмотрел на свои руки. Они были грязными, в ссадинах, но они не дрожали. Я больше не был тем мальчиком, который просто ловил снежинки языком. Я стал часовым своей семьи. Тетя Вера исчезла в ту ночь на станции, как будто её и не было, как будто она была ангелом, спустившимся в наш смрадный вагон, чтобы передать мне этот невидимый меч — веру.

— *Господи, помоги,* — тихо прошептал я, и эти слова больше не были просто гулом. Они были моим обещанием.

Снег шел и шел. Он укрывал землю, и в этой бесконеч-

ной белизне мне виделось не забвение, а чистое полотно, на котором нам еще предстоит написать нашу победу. Я закрыл глаза и впервые за долгое время уснул глубоким, спокойным сном человека, который точно знает: тьма не вечна. За ней обязательно придет рассвет. Шел декабрь сорок второго, впереди было три года войны, но об этом я тогда еще не знал. 12 декабря

Дни превратились в серую, липкую массу, различаемую только по степени холода. Рассвет наступал поздно, неохотно продираясь сквозь свинцовые тучи. Нас выгоняли на аппель — проверку. Стоять нужно было долго, не шевелясь, пока надзиратели пересчитывали наши тени.

Бабушка сдавала. Она почти не говорила, только смотрела в одну точку затуманенным взором. Мама отдавала ей свою пайку хлеба — крошечный, тяжелый, как глина, кусок, — но бабушка сжимала губы и качала головой. Тогда мама дробила хлеб в ладонях и по кусочку вкладывала ей в рот, как птенцу.

— *Ешь, мама,* — шептала она. — *Нам надо дождаться своих. Немного осталось.*

Я стал «добытчиком». В лагере это означало умение вовремя заметить упавшую из кухонной повозки гнилую картофелину или найти в снегу обрывок мешковины, чтобы обмотать Валерке ноги. Мои руки огрубели, кожа на суставах лопнула от мороза, но я не чувствовал боли. Я чувствовал только крестик на груди — он словно жег мне кожу, напоми-

ная, что я не имею права сдать. Однажды, когда мы расчищали снег у штаба, я услышал звуки музыки. Из патефона в теплом помещении лилась мелодия. Это была та самая песня, которую дядя Гена когда-то пытался подобрать на губной гармошке. Я замер, прижав лопату к груди. На мгновение мне показалось, что я снова дома, в теплом зале, и пахнет не горелым углем и нечистотами, а мамиными пирогами.

— *Гляди-ка, малец музыку любит*, — раздался за спиной грубый голос.

Я обернулся. Это был один из охранников, молодой, почти мой ровесник по виду, но с глазами старыми и злыми. Он подошел и намеренно наступил своим кованым сапогом на мою обледеневшую руку, лежащую на черенке лопаты.

Я не закричал. Я посмотрел ему в глаза — так же, как смотрел тому офицеру на перроне. В моей голове сама собой начала крутиться молитва, которой научила тетя Вера. Я повторял её про себя, как заклинание. Немец давил сильнее, ожидая стоны, но я только сжал челюсти так, что хрустнуло в ушах. Он сплюнул, пробормотал что-то про «русских свиней» и ушел. А я понял: они боятся нас. Боятся нашего молчания больше, чем наших криков.

15 декабря

Холод перестал быть просто погодой, он стал живым существом, которое поселилось внутри нас. Он высасывал силы, превращая кровь в ледяную крошку. Наша жизнь теперь измерялась не часами, а шагами: дойти до раздачи «балан-

ды» — мутной, пахнувшей гнилью жижи, — не упасть на ап-пеле, дотащить охапку хвороста для лагерной кухни, если повезет попасть в рабочую команду.

Моя рука, после того случая с охранником, распухла и почернела, пальцы едва слушались, но я прятал её под обрывком рукава. В этом месте нельзя было показывать слабость. Больной — значит бесполезный. Бесполезный — значит мёртвый.

Вечерами в бараке мы прижимались друг к другу, образуя живой клубок. Валерка засыпал у меня на груди, и я чувствовал, как его маленькое сердце бьется быстро-быстро, словно у пойманного воробья. Мама почти всё время шептала молитвы, те самые, которые оставила нам тетя Вера. Её голос стал сухим, надтреснутым, но в этой монотонности была какая-то странная опора. Мы не просто шептали слова — мы возводили из них невидимую крепость вокруг себя.

Бабушка почти перестала приходить в сознание. Она лежала на тонком слое прелой соломы, её лицо стало прозрачным, как папиросная бумага. Иногда она открывала глаза, смотрела на нас, но видела что-то своё: может, наш старый дом, а может, дядю Гену, который звал её из той снежной стены.

— *Потерпи, родная,* — шептала мама, растирая бабушке ладони своими исхудавшими, черными от работы руками. — *Наши уже близко. Я сердцем чую, как земля дрожит под их сапогами.*

19 декабря

Этой ночью снег шел особенно тихо. В бараке стояла такая тишина, что было слышно, как шуршит иней на стенах. Бабушка ушла на рассвете. Она не вскрикнула, не вздохнула тяжело — просто её дыхание в какой-то момент не облачком пара вырвалось из груди, а растворилось в холодном воздухе.

Мама долго сидела неподвижно. Она не плакала — у нас давно не осталось слез, они все вымерзли. Она просто взяла бабушкину руку и прижала к своей щеке. Валерка проснулся, посмотрел на бабушку, потом на меня. В его глазах не было детского непонимания, в них была взрослая, глубокая скорбь. Он подошел к маме и молча обнял её за плечи.

Нас выгнали на работу. Мы с другими мужчинами и подростками долбили мерзлую землю за колючей проволокой. Это была «яма». Копать в такой мороз — всё равно что грызть камень. Лопаты звенели, искрились, руки сводило судорогой. Когда тело бабушки, завернутое в старую рогожу, привезли на телеге, я на мгновение опустил лопату.

— *Не стой, малец,* — хрипнул сосед, старый учитель из под Киева. — *Смотришь в землю — видишь смерть. Смотри в небо.*

Я поднял глаза. Там, над лагерем, кружили вороны, а за ними, высоко-высоко, сквозь серую хмарь пробивался бледный диск солнца. Я вспомнил тетю Веру: «Каждому воздастся по делам его». В этот момент я не чувствовал горя. Я чувствовал только растущую, холодную, как этот декабрь,

ярость. Она не туманила разум, наоборот — она делала его острым, как бритва. Я знал, что должен выжить. Чтобы Валерка вырос. Чтобы мама снова улыбнулась. Чтобы бабушка не осталась просто безымянной тенью в этой мерзлой земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.